

Глава 66. Иди сюда, поешь сладкого!

Смрад, разлившийся в воздухе, был таким, что Цзян Тану хотелось блевануть Фу Линцзюню прямо в лицо.

Есть это? Да что это вообще за штука, разве человек способен её проглотить?

От этого запаха Цзян Тан мигом мыслями вернулся во времена учёбы.

Старшая школа. Лето. Мальчишки, полные гормонов, высокие, красивые, смеются солнечно и бодро, на баскетбольной площадке хоть сейчас снимай как Рукаву Каэдэ. Но стоит им, распаренным, в мокрой от пота одежде, вернуться в тесный класс и усесться под потолочным вентилятором, как горячий воздух разносит по всему помещению смесь пота, тела, обуви и носков. И тогда хоть один, хоть все вместе — каждый становится токсичными отходами.

А чёрная вонючая пилюля, которую Фу Линцзюнь сейчас протягивал ему, пахла ещё хуже!

В разы хуже!

Даже не поймёшь, хочет он его вылечить или отравить.

Убийство. Это определённо убийство!

Глядя на тёмную, будто созданную не как лекарство, а как биологическое оружие пилюлю, чем-то похожую на комок солода, Цзян Тан отодвигался всё дальше и дальше.

— Не буду!

На этот раз он сказал это особенно твёрдо.

И, словно окончательно утверждая своё решение, добавил:

— Хоть убей, не буду!

Неужели у великого босса совсем пропало обоняние?! Он сам не чувствует, насколько это воняет? Да, пословица говорит, что хорошее лекарство горько на вкус. Но горечь и вонь — это вообще-то совсем разные категории. В современном мире Цзян Тан мог не моргнув проглотить горсть горьких таблеток, но вот хуосян чжэнцишуй не смог бы выпить ни за что.

Он ничего не имел против хуосян чжэнцишуй, просто это и правда было самое вонючее лекарство на свете! Но сейчас Цзян Тану хотелось встать на колени и извиниться перед этим снадобьем. По сравнению с пилюлей, пахнувшей грязными носками, оно было просто благоуханием, у-у-у.

Даже если эта гадость и правда была единственным под небом чудесным лекарством, он всё равно не смог бы её проглотить!

Но Фу Линцзюнь был непреклонен. Увидев, что Цзян Тан, вцепившись в одеяло, сбежал от него, он потянулся следом — сначала за одеялом. Цзян Тан швырнул его в него, и тогда Фу Линцзюнь схватил уже его за ногу.

Пальцы сомкнулись на тонкой щиколотке и без труда стащили его из угла обратно к краю кровати.

Обычно Цзян Тан и без того говорил на местном языке спотыкаясь через слово, а когда его совсем прижало, он на одних нервах и вовсе выпалил по-китайски:

— Свиное копыто, отпусти меня!

И при этом ещё пару раз дрыгнул ногой.

Вырваться не вышло.

Рука Фу Линцзюня, сжимавшая его щиколотку, на миг замерла.

Язык, на котором заговорил Цзян Тан, вовсе не был ему незнаком. В тот миг, когда их души переплелись и прижались друг к другу, он уже овладел языком того мира.

Но вот выражение «свиное копыто» всё равно поставило его в тупик.

Опустив взгляд, Фу Линцзюнь посмотрел на свою длинную красивую руку.

Его рука... при чём здесь вообще свиное копыто?

Пламя свечи на столе раскачивалось от ветра, который поднял Цзян Тан своей вознёй. Тени двух людей переплетались на бумаге окна.

Цзян Тан уже потянулся, собираясь оторвать от себя руку Фу Линцзюня, когда вдруг издали услышал приближающиеся шаги.

После превращения в зверька его пять чувств стали особенно острыми, и даже вернув человеческий облик, он слышал отлично. Эти шаги явно шли именно сюда.

Сначала они остановились напротив.

А потом послышался голос Хуай Чэнъиня:

— Брат Линь?

Хуай Чэнъинь постоял у двери напротив немного, но в комнате было тихо. При этом свет там ещё горел, так что он постучал и снова позвал:

— Брат Линь? Вы уже проснулись?

Цзян Тан мгновенно затаил дыхание.

Брат Линь не у себя. Брат Линь вообще-то у него в комнате!

Одна кровать. Два человека. Возьмётся между собой. А горячая ладонь Фу Линцзюня всё ещё стискивает его щиколотку, и выглядит это донельзя подозрительно.

Подозрительно до такой степени, что слишком уж напоминает то, что бывает перед... определёнными делами.

Цзян Тану смутно почудилось, будто его поймали прямо в постели на месте преступления. Он тут же замер, точно перепуганный перепел, перестал отдиравать от себя руку Фу Линцзюня и, не шевелясь, застыл на краю кровати.

Если Хуай Чэнъинь услышит шум из комнаты, это будет катастрофа!

— Странно... — Хуай Чэнъинь постучал ещё немного, не дождался ответа и, постеснявшись войти без спроса, развернулся, бормоча себе под нос: — Куда брат Линь мог деться... В такое время все же должны сидеть по комнатам...

С этими словами он пошёл уже к двери комнаты Цзян Тана.

Шаг, ещё шаг, ещё... всё ближе и ближе.

Фу Линцзюнь стоял в пятне света. Цзян Тан застыл у края кровати на коленях, склонившись и всё ещё будто тянувшись к его руке. И почему-то на бумаге окна их переплетённые силуэты выглядели до крайности неприлично.

Слышать, как шаги подходят всё ближе, и одновременно увидеть на оконной бумаге тень собственной головы где-то у пояса Фу Линцзюня — этого хватило, чтобы у Цзян Тана вмиг вспыхнули уши! В горячке он вскочил, обеими руками упёрся Фу Линцзюню в грудь и одним рывком повалил его на кровать.

А сам сверху рухнул на него.

— Молодой господин Цзян?

Хуай Чэнъинь уже дошёл до самой двери. В комнате горел яркий свет, но внутри, как и напротив, было пугающе тихо.

Он поднял руку и постучал. Тук-тук-тук — каждый удар звучал всё отчётливее, будто стуча прямо по сердцу Цзян Тана.

Цзян Тан, распластавшийся сверху на Фу Линцзюне, обеими ладонями плотно упирался ему в грудь.

Ощувив под руками крепкие, упругие мышцы, он от смущения тут же поджал пальцы.

— Молодого господина Цзяна тоже нет?.. — снаружи Хуай Чэнъинь, дважды подряд не застав никого в комнатах, растерянно переводил взгляд с одной двери на другую и чесал затылок. — Странно. Брата Линя нет, молодого господина Цзяна тоже нет... Куда же они оба делись?

Лежавший сверху на Фу Линцзюне Цзян Тан чуть ли не сварился заживо!

У него горело всё: уши, шея, даже пальцы.

Пусть он и не впервые пользовался тем, что великий босс позволял ему прикасаться к себе, но раньше он делал это открыто, чаще всего ещё в облике маленького зверька. Став человеком, он уже старался держать дистанцию. А сейчас мало того что он оказался так близко, так ещё и на кровати, в такой двусмысленной ситуации...

Цзян Тан не смел смотреть Фу Линцзюню в лицо.

Пусть сейчас на нём и было обычное, ничем не примечательное лицо, в глазах Цзян Тана перед ним всё равно стоял тот самый губительный для души красавец. От этого его всего трясло, а руки, на которые он опирался, слабели всё сильнее.

Он из последних сил удерживал тело, не позволяя себе целиком рухнуть вниз, но силёнок в нём

было не так уж много. Руками он ещё кое-как держал верх тела, а вот поясница и живот уже не выдерживали, и он всё ниже и ниже опускался на Фу Линцзюня.

— Я вообще-то хотел позвать их ужинать... — тихо пробормотал Хуай Чэнъинь.

Не найдя никого, он ещё немного потоптался у двери, а потом сделал пару шагов в сторону, откуда пришёл.

Наконец-то уходит!

Цзян Тан был напряжён до предела. Ладони у него вспотели, руки, упирающиеся в грудь Фу Линцзюня, заметно дрожали.

Всё, больше он не может, не может! Руки вот-вот отвалятся, пусть Хуай Чэнъинь уже скорее уходит! Ещё минута — и ему конец!

Шаги Хуай Чэнъиня он слышал очень отчётливо и невольно отсчитывал каждый.

Но стоило этим шагам чуть удалиться, как послышался ещё один голос — Е Чжэнвэня.

Похоже, он тоже шёл сюда.

— Чэнъинь, а где брат Линь и молодой господин Цзян? — спросил Е Чжэнвэнь.

Хуай Чэнъинь остановился.

Обернувшись, он указал на двери напротив, где ещё горел свет.

— Не знаю. Я только что стучал, но никто не ответил. Наверное, вышли?

— Вышли? — на лице Е Чжэнвэня отразилось ровно то же недоумение. — Не должны бы... По идее, они только-только проснулись...

Двое заговорили неподалёку и никак не собирались расходиться.

Цзян Тан больше не выдерживал!

Это тело и без того не отличалось силой. Долго висеть над ним он уже не мог. Тонкое тело дрогнуло и всё же осело вниз — сначала грудью, потом животом, а дальше и бёдрами поверх одежды. Между ними не осталось ни пяди расстояния.

— И-и! — он правда не нарочно! Он очень старался сохранить великому боссу чистоту репутации! Он вовсе не хотел осквернять Фу Линцзюня!

Мягкое тело юноши оказалось удивительно плотно прижато к Фу Линцзюню.

Голоса Хуай Чэнъиня и Е Чжэнвэня, летний ночной ветерок, скользнувший по оконной раме и задержавшийся на миг, шорох травы во дворе, насекомые, ползущие из зарослей с тихим шуршанием, ночные птицы, вспорхнувшие над крышей и принявшиеся чистить перья...

Каждый звук вдруг сделался до боли отчётливым.

И именно в этот миг в теле Фу Линцзюня произошло нечто, что он уже не мог держать под контролем. Внезапно он перевернулся и прижал юношу, всё это время разжигавшего в нём

огонь, к постели.

В его глазах стояла тёмная ночь, густая, будто готовая пролиться чернильной каплей.

Он весь напрягся, упёрся руками по сторонам и нарочно удержал расстояние между собой и Цзян Таном, чтобы тот не почувствовал его странного состояния.

— А? — Хуай Чэнъинь расслышал слабый шорох из комнаты Цзян Тана и невольно оглянулся.
— Чжэнвэнь, ты сейчас тоже что-то слышал? Кажется... это было из комнаты молодого господина Цзяна?

Е Чжэнвэнь, разумеется, всё слышал!

У культиваторов слух острый. Он не только уловил звук из комнаты Цзян Тана, но даже догадался, что там сейчас происходит!

Брат Линь не у себя. Молодой господин Цзян тоже не отвечает. Тут и коленом думать не надо, чтобы понять, до какого напряжённого момента там всё дошло!

Как говорится, раз — случайность, два — совпадение, но не трижды же подряд. От картин, которые тут же сами собой нарисовало ему воображение, Е Чжэнвэнь был настолько потрясён, что мысленно просто раскололся пополам.

Ну почему он опять нарывается именно на такое?! Неужели брат Линь с молодым господином Цзяном не могут быть хоть чуточку сдержаннее?!

Увидев, что Хуай Чэнъинь уже собирается вернуться и проверить, Е Чжэнвэнь молниеносно вцепился ему в рукав:

— Я голоден! Чэнъинь, пошли-пошли есть!

— Но я ведь только что... — Хуай Чэнъинь хотел оглянуться, однако Е Чжэнвэнь силой утащил его прочь.

Таща его за собой, он нарочно говорил очень громко, не умолкая ни на миг:

— Брата Линя и молодого господина Цзяна точно нет внутри, иначе они разве не ответили бы тебе? Сам подумай, они похожи на людей без манер? Вот именно, нет. Пошли сперва поедим, я уже умираю с голоду. Пошли-пошли. Когда они вернутся и сами проголодаются, непременно кого-нибудь за нами пошлют. Не переживай ты так...

Поскольку Е Чжэнвэнь очень хотел поскорее сбежать, на этот раз ушли они и правда стремительно.

Совсем скоро в маленьком дворике снова стало тихо.

Цзян Тан был прижат Фу Линцзюнем к кровати.

Когда он только что лежал у него сверху, такой неловкости он почему-то не чувствовал. Наверное, потому что тогда сверху был именно он, а Фу Линцзюнь лежал неподвижно, как бревно.

Но стоило им поменяться местами, как всё стало совсем иначе. Фу Линцзюнь прижал его к себе, словно громадный зверь, и Цзян Тан впервые по-настоящему ощутил, насколько велика

между ними разница в силе и даже в размерах.

Пока Фу Линцзюнь просто стоял рядом, Цзян Тан лишь думал, что тот довольно высокий, наверное выше метра девяноста, но не чувствовал особого давления. В конце концов, когда великому боссу приходилось действовать по сюжету, он бывало подхватывал его одной рукой и нёс прочь, а сидя у него на руке, Цзян Тан даже оказывался чуть выше него.

И только сейчас, лёжа под ним, он с запозданием понял, сколько в этом человеке было подавляющей силы и опасной, почти хищной агрессии.

Ладонь, прижимавшая его за плечо, то ли случайно, то ли нет, царапнула пальцами по вороту, который распахнулся, пока они катались по постели.

Хотя палец даже не коснулся кожи Цзян Тана, тот всё равно будто ощутил исходящий от него жар.

— Ты... — Цзян Тан, запинаясь, вдруг словно опять стал тем белым пушистым зверьком и уже не мог выговорить ни одной полной фразы.

Свеча радостно плясала.

Свет ложился в глаза юноши, полные паники и стыда, и казалось, будто в них опрокинули целую реку звёзд — они мерцали, дрожали, осыпались вниз.

Цзян Тан весь порозовел.

Горели не только уши, нос и щёки — жаром пылала даже шея и тело под одеждой.

Из-за сбившегося дыхания и поднявшейся температуры сладкий запах его тела смешался с холодным ароматом Фу Линцзюня и превратился в неожиданно густой, жаркий дух.

Дыхание Фу Линцзюня, сдерживаемое из последних сил, оседало у него в тёплой белой ямке шеи.

Он не хотел больше подавлять своё желание.

Ему нравилось смотреть на Цзян Тана. Нравилось быть рядом. Стоило вдохнуть его запах, и душа становилась спокойнее. Стоило увидеть его, и настроение делалось светлее. А стоило прижать его под собой — и пламя, вспыхнувшее в груди, тут же лавиной охватывало всё тело, заставляя неудержимо хотеть поцеловать.

Поцеловать юношу, который приносил ему радость.

Такой жаркий взгляд был слишком откровенным. Откровенным настолько, что казалось, он вот-вот сожжёт и самого Цзян Тана.

Тот уже не выдерживал. Ему даже казалось, что он сейчас утонет в раскалённых глазах Фу Линцзюня. Собрав остатки сил, он попытался придать голосу строгую праведность и хоть как-то оттолкнуть этот слишком хищный взгляд.

— Н-не смотри... на меня! — вышло запинаясь, мягко до невозможности.

Глаза у Цзян Тана сразу покраснели.

Ему самому показалось, что такой голос — это уже почти преступление, словно вылить кипящее масло прямо в раскалённую сковороду. Он молниеносно закрыл лицо обеими руками, прикрыв и глаза.

— Не смотри! — повторил он.

На этот раз вышло куда строже, чем прежде, но голос всё равно остался мило-мягким, чуть капризным.

Кадык у Фу Линцзюня тяжело перекатился вверх-вниз.

Тёплое, сбивчивое дыхание обжигало шею Цзян Тана. А потом рука, упиравшаяся возле него, вдруг сильнее сжалась, тело Фу Линцзюня тяжело подалось вниз и прижало его так, что шевельнуться стало невозможно.

После этого он отвёл его руки от лица и, не удержавшись, коснулся языком румянца у щеки юноши.

Легко, почти как поцелуем.

Примечание автора:

Великий босс наконец-то вырос! Пускайте петарды!!

<http://bllate.org/book/17032/1644687>